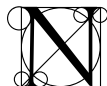

Даниэла
тш

Даниэла
Тим

Кольцо

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
С80

Серия «Даниэла»

Danielle Steel
THE RING

Перевод с английского *В. И. Агаянц*

Компьютерный дизайн *А. А. Кудрявцева, А. Б. Ткаченко*
Студия «FOLD&SPINE»

Печатается с разрешения автора
и литературных агентств Morton L. Janklow Associates
и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Стил, Даниэла.

С80 Кольцо : [роман] / Даниэла Стил ; [пер. с англ. В. И. Агаянц]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 352 с. — (Даниэла)

ISBN 978-5-17-094617-4

Жизнь сулила красавице Ариане фон Готхард, дочери банкира, череду бесконечных праздников, а вместо этого обернулась чередой нелегких испытаний. Первая любовь принесла лишь боль утраты, замужество завершилось трагедией, трудным был путь к берегам далекой Америки. Но именно там судьба наконец вернула Ариане любимого, которого она считала потерянным навсегда, и подарила новую надежду на долгожданное счастье...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-094617-4

© Danielle Steel, 1980
© Перевод. В. И. Агаянц, 2007
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2016

*Биллу, уверявшему,
что у меня все получится.*

С любовью, Д.С.

Книга первая

КАССАНДРА

Глава 1

Кассандра фон Готхард сидела на берегу пруда в Шарлоттенбургском парке, задумчиво разглядывая расходящиеся круги на поверхности воды. Длинные изящные пальцы подхватили еще один гладкий камешек, повертели и, чуть помедлив, лениво швырнули в воду. Стоял жаркий солнечный день на исходе лета. Рыжевато-золотистые волосы Кассандры, зачесанные набок и сколотые одним лишь гребнем из слоновой кости, гладкой сверкающей волной спадали на плечи. Небрежная простота прически подчеркивала утонченную красоту лица. Огромные миндалевидные глаза Кассандры не уступали в яркости россыпям голубых цветов на клумбах у нее за спиной. В глубине этих сияющих, смеющихся глаз таилась нежная печаль. Порой ласковый, манящий взгляд их становился мечтательным и отстраненным. Казалось, Кассандра находилась во власти волшебных грез, связанных с реальностью не больше, чем величавый Шарлоттенбургский дворец с шумной суетой обступивших его улиц большого города. Устремленный в бесконечность, неподвластный времени старый замок одобрительно поглядывал на Кассандру, словно признавал в ней существо иной эпохи, принадлежащее скорее прошлому, нежели настоящему.

Живописно раскинувшаяся на траве Кассандра казалась ожившей картиной искусного художника, его прекрасной музыкой. Тонкие пальцы медленно перебирали травинки, пытаясь отыскать еще один камешек. Из-за соседнего куста показался целый утиный выводок. Важно выпятив грудь, утки вперевалку проковыляли к воде, и при виде их двое ребятешек на берегу пруда восторженно захлопали в ладоши. Кас-

сандра задержала взгляд на сияющих личиках, но дети, заливаясь смехом, убежали и скрылись из виду.

— О чем вы только что думали?

Вопрос заставил Кассандру очнуться от грез.

— Так, ни о чем. — Она рассеянно улыбнулась, протянула руку своему спутнику, и причудливый, украшенный бриллиантами перстень сверкнул на солнце. Сидевший рядом мужчина этого не заметил. Его не интересовали драгоценности. Все его мысли занимала сама Кассандра фон Готхард, воплощавшая для него тайну жизни и красоты. Она притягивала его, как вопрос, на который ему никогда не найти ответа, как редкий дар, которым ему никогда не придется обладать.

Они познакомились прошлой зимой на приеме по случаю выхода в свет его второй книги, «Поцелуй». Поначалу беспощадная откровенность молодого писателя повергла чопорную Германию в шок, и все же второй роман принес автору еще большую известность, чем первый. Пронизанная чувственностью и эротикой история утвердила за Штерном славу модного писателя-модерниста и в одночасье вознесла на вершину немецкого литературного олимпа. О нем спорили, им восхищались, его считали современным, дерзким, вызывающим, даже скандальным и, бесспорно, очень, очень талантливым. К тридцати трем годам Дольф Штерн достиг всего, о чем только может мечтать честолюбивый романист. А затем он встретил свою мечту.

Она была так красива, что при виде ее у Штерна дух захватило. Конечно же, он слышал о ней. Весь Берлин знал, кто она такая. Кассандра фон Готхард казалась неприступной, недостижимой и пугающе хрупкой, призрачной, будто прекрасное видение. Дольфа охватило смятение, сердце защемило. Кассандра предстала перед ним в элегантном облегающем платье из золотой парчи и великолепном собольем палантине, небрежно наброшенном на одно плечо. Крошечная золотая шапочка-таблетка каким-то чудом держалась на сверкающих волосах. Но Дольфа поразило не золото и не соболя, а исходившие от этой женщины почти осязаемые волны пьянящего очарования, не позволявшие ей затеряться в шумной, суетливой толпе огромного зала. Штерна потрясли отрешенность, молчаливость, серьезный взгляд ее

удивительных глаз. Когда она повернулась и улыбнулась ему, у Дольфа потемнело в глазах. Пол закачался у него под ногами.

— Поздравляю.

— С чем? — Дольф замер, не в силах вымолвить ни слова. В одно мгновение именитый писатель превратился в робкого десятилетнего мальчишку. И вдруг, к своему удивлению, он заметил, что Кассандра тоже смущена. Она оказалась совсем не такой, как он ожидал. Элегантной, утонченной, но отнюдь не холодной и надменной. Похоже, она боялась возбужденной толпы, так и сверлившей ее любопытными взглядами.

Кассандра ушла рано. Исчезла незаметно, словно сказочная Золушка, пока Дольф приветствовал прибывающих гостей. Как бы ему хотелось побежать за ней, догнать, увидеть хотя бы на миг! Вновь заглянуть в ее удивительные глаза цвета лаванды.

Две недели спустя они встретились вновь. Здесь, в Шарлоттенбургском парке. Кассандра задумчиво разглядывала дворец и улыбалась, а Дольф любовался ею.

— Вы часто сюда приходите? — Несколько долгих мгновений они молча стояли рядом. Кассандра казалась особенно маленькой и хрупкой рядом с высокой худощавой фигурой Штерна. Ветер разметал его темные волосы того же цвета, что и соболье манто на ее плечах. Черные глаза Дольфа сверкали, как два оникса. Кассандра кивнула, и лицо ее осветилось знакомой улыбкой, загадочной, немного ребячливой.

— В детстве я любила бывать здесь.

— Вы выросли в Берлине? — Вопрос прозвучал глупо — Дольф и сам это понимал, ему просто не удалось придумать ничего умнее.

Кассандра добродушно рассмеялась.

— Да. А вы?

— В Мюнхене.

Она снова кивнула, и еще долгое время оба хранили молчание. Сколько же ей может быть лет? Двадцать два? Двадцать четыре? Трудно сказать. Мысли Штерна прервал мелодичный смех Кассандры, похожий на перезвон хрустального колокольчика. Трое ребятишек, вырвавшись из-под надзора няньки, самозабвенно плескались в пруду. Вместе с ними, громко лая и отфыркиваясь, резвился забав-

ный пес. Стоя по колено в воде, мальчишки тянули к себе собаку, старались заставить пса вернуться на берег, но свое- нравный бульдог не собирался так легко сдаваться.

— Однажды я сделала то же самое. И няня целый месяц не пускала меня в парк.

Дольф не смог сдержаться улыбки. Он попытался пред- ставить себе эту картину. Кассандра выглядела достаточно юной, чтобы броситься в пруд вслед за собакой, но дорогие меха и бриллианты заставляли усомниться, что она способна на такое безрассудство. Дольф мгновенно вообразил на бе- регу пруда гувернантку в строгом платье и накрахмаленном чепце. Она громко возмущалась и сердито грозила пальцем. Когда бы это могло быть? В 1920-м? 1915-м? Сколько же све- товых лет отделяет прелестную девочку, играющую с собакой в парке, от того мальчишки, которым был тогда он сам? В те годы Дольфу приходилось несладко, но он умудрялся учить- ся и работать. Помогал отцу в пекарне каждое утро перед школой и снова спешил туда после уроков. Что знает об этом окруженная золотым сиянием женщина, стоящая рядом? Она принадлежит к совсем иному миру.

С того дня Дольф стал часто бывать в Шарлоттенбургском парке. Он говорил себе, что после долгого дня, проведенного за письменным столом, полезно совершить прогулку и подышать свежим воздухом, но в глубине души знал: ему хочется увидеть лицо Кассандры фон Готхард, ее колдовские глаза, золоти- стые волосы... И вот наконец его желание осуществилось. Он нашел ее у пруда. Казалось, она обрадовалась встрече. Вскоре между ними установилось своего рода молчаливое соглашение. Закончив работу, Штерн спешил в парк и, если ему удавалось правильно рассчитать время, находил там Кассандру.

Они назначили себя духовными зрителями дворца, неведомыми покровителями играющих у пруда детей и, про- гуливаясь по аллеям, озирали окрестности с горделивой радо- стью обладателей. Рассказывали о своем детстве, внимательно слушая друг друга, делились сокровенными мечтами. Кассан- дра издавна грезилась театром, к ужасу своего отца. Театр и те- перь оставался ее тайной страстью. Она прекрасно понимала, что лишь обманывает себя, и все же нередко предавалась меч- там о том, как когда-нибудь в будущем напишет пьесу.

10 Рассказы Штерна о писательском ремесле приводили

ее в восторг. Ей было интересно все: как он работает над новой книгой, с чего начинал, что почувствовал, когда впервые пришел успех. Став знаменитым, Дольф так и не сумел привыкнуть к известности. Пять лет назад о нем заговорила вся Германия. К тому времени он уже два года как покинул Мюнхен и перебрался в Берлин. Три года назад Дольф купил себе роскошный «бугатти», а через год стал обладателем великолепного старинного дома в Шарлоттенбурге. Однако новая благополучная жизнь по-прежнему казалась ему чем-то нереальным. Баловень судьбы никак не мог поверить своему счастью. Должно быть, именно это неверие помогло ему сохранить юношескую восторженность и способность удивляться. Для своих тридцати трех лет он выглядел необычайно молодо. Дольф Штерн не успел пресытиться жизнью и творчеством, а тем более тайными прогулками в парке с той, что занимала все его мысли.

Кассандра могла часами слушать Штерна. Его фантазии очаровывали ее. Когда Дольф рассказывал о своих книгах, ожившие персонажи обступали ее, увлекали за собой. Их мир поражал необычайной яркостью красок, и Кассандре казалось, что она сама оживает вместе с книжными героями, медленно просыпается от долгого сна. Шли дни, недели сменялись неделями, и Дольф стал замечать, что в глазах Кассандры уже нет прежнего страха. Теперь в них появилось иное выражение — затаенная улыбка, юная, прелестная, немного шаловливая.

— Вы даже не представляете, как нравитесь мне, Кассандра.

Они медленно прогуливались вдоль пруда, с удовольствием подставляя лица нежному весеннему ветерку.

— Значит, вы собираетесь написать обо мне книгу?

— А вам бы этого хотелось?

Она на мгновение опустила глаза, потом храбро взглянула на него и качнула головой:

— Пожалуй, не стоит. Что обо мне можно написать? Скучная, непримечательная жизнь. Ни блестящих побед, ни великих свершений. Ровным счетом ничего.

Они обменялись долгим взглядом. Голубые глаза и черные вступили в немой диалог, сказав друг другу больше, чем могли прошептать губы.

— Вы в самом деле так думаете?

— Но это чистая правда. Я пришла в этот мир и когда-нибудь покину его. И что же в промежутке между рождением и смертью? Ворох красивых платьев, множество официальных приемов и немыслимое число прослушанных опер. Великолепных опер... Вот и все, друг мой. — В голосе Кассандры звучала горечь, словно в свои двадцать девять лет она уже окончательно утратила надежду. Надежду на то, что ее жизнь когда-нибудь изменится.

— А как же ваша пьеса?

Она безразлично пожала плечами. Оба слишком хорошо знали ответ. Кассандра давно свыклась с ролью пленницы в золотой клетке.

— Итак, вы один можете помочь мне прославиться. — Она рассмеялась, лукаво сверкнув глазами. — Если напишете обо мне в своем романе, превратите меня в какой-нибудь экзотический персонаж, причудливое порождение вашей фантазии.

Именно так и поступил Штерн, хоть и не посмел тотчас же признаться. Решив подыграть Кассандре, он с улыбкой взял ее под руку.

— Хорошо. В таком случае давайте хотя бы выясним, что вам больше по вкусу. Кем бы вы хотели стать? Какой род занятий кажется вам достаточно экзотичным? Шпионка? Женщина-хирург? Возлюбленная какой-нибудь знаменитости?

Она соорудила презрительную гримаску и расхохоталась.

— Фу, какой ужас! В самом деле, Дольф, это слишком скучно. Нет, дайте-ка подумать... — Кассандра опустила на траву, отбросила широкополую соломенную шляпу и трянула золотистыми кудрями. — Пожалуй, пусть будет актриса... Вы могли бы сделать меня звездой лондонской сцены, а потом... — Она склонила голову набок и задумалась, накручивая локон на палец. Кольца на ее руках заискрились в солнечных лучах. — Потом... я отправилась бы в Америку и имела бы там бешеный успех.

— Вот как, в Америку? И куда же именно?

— В Нью-Йорк.

— Вы там уже бывали?

Кассандра кивнула:

— С отцом, когда мне исполнилось восемнадцать.

12 Это было чудесно. Мы... — Она внезапно замолчала

и нахмурилась. В Нью-Йорке их принимали у себя Асторы, в Вашингтоне — президент в Белом доме, но стоило ли рассказывать об этом Дольфу? Кассандра вовсе не стремилась произвести на него впечатление. Она дорожила их дружбой. Он слишком нравился ей, чтобы играть с ним в подобные игры. Не важно, каких вершин удалось достичь молодому писателю, все равно ему никогда не стать частью того мира, к которому принадлежала она. Они оба это знали и, словно по молчаливому уговору, никогда не говорили об этом.

— Вы?.. — Штерн выжидательно посмотрел на спутницу. Его красивое худое лицо слегка порозовело.

— Мы влюбились в Нью-Йорк. Во всяком случае, я. — Она вздохнула и с тоской взглянула на пруд.

— Он хоть немного похож на Берлин?

Кассандра покачала головой и зажмурилась, как будто хотела заставить Шарлоттенбургский дворец раствориться в воздухе и исчезнуть.

— Нет. Нью-Йорк — удивительный город. Юный и современный, он так и кипит энергией.

— Ну да, а Берлин, конечно же, слишком старый и скучный, — серьезно кивнул Дольф, с трудом сдерживая смех. Иногда Кассандра казалась ему такой забавной. Он мог бы сказать о Берлине то же, что с такой горячностью говорила она о Нью-Йорке.

— Вы нарочно меня дразните. — В голосе Кассандры слышался упрек, но в глазах ее плясали смешливые искры. Ей было хорошо рядом с Дольфом. Она успела полюбить эти послеполуденные прогулки в парке, ставшие их священным ритуалом. Все чаще она стремилась освободиться от унылых повседневных обязанностей и вырваться из дома, встретиться со своим тайным другом и вместе пройтись по аллее или посидеть на траве.

Штерн ответил ей нежной улыбкой.

— Да, я поддразниваю вас, Кассандра. Надеюсь, вы не против?

Она медленно покачала головой:

— Все нет. — И, немного помолчав, добавила: — У меня такое чувство, словно теперь я знаю вас лучше, чем любого из тех, кто меня окружает. — Дольф испытывал то же странное и волнующее ощущение. И все же Кассандра

по-прежнему оставалась его призрачной мечтой, постоянно ускользавшей обманчивой иллюзией. Только здесь, в парке, она была для него реальной и живой. — Вы понимаете, что я имею в виду?

Он кивнул, не зная, что сказать. Больше всего он боялся отпугнуть ее. Боялся лишиться этих чудных прогулок у пруда.

— Да, я понимаю. — Он знал об этом куда больше, чем она могла себе представить. И вдруг, поддавшись внезапному порыву, он схватил ее за руку и судорожно сжал тонкие длинные пальцы в крупных вычурных кольцах. — Вы не хотите зайти ко мне выпить чаю?

— Как, прямо сейчас?.. — Сердце Кассандры взволнованно затрепетало. Ей хотелось сказать «да», но она сомневалась, не знала...

— Да, сейчас. У вас есть еще какие-нибудь дела?

Она медленно качнула головой:

— Нет, никаких. — Она могла бы сослаться на занятость, сказать, что у нее назначена встреча, что ее уже ждут к чаю, но не сделала этого. Лишь вскинула на Дольфа огромные глаза цвета лаванды. — Я бы с удовольствием пошла с вами.

Они торопливо зашагали бок о бок, весело болтая, но обоих сотрясала внутренняя дрожь. Впервые покидали они свой благословенный Эдем. Штерн рассказывал Кассандре что-то забавное, она звонко смеялась над его шутками и все ускорила шаг, размахивая шляпой. Предстоящее посещение обиталища Штерна вдруг превратилось для них в неотложное дело необычайной важности, словно все эти долгие месяцы, прогуливаясь по парку, они втайне готовились к нему.

Тяжелая, украшенная массивной резьбой дверь распахнулась, и они шагнули в просторный мраморный холл. Взгляд Кассандры остановился на большой картине, висевшей над бидермейеровским столиком. В пустынном холле шаги отдавались гулким эхом.

— Так вот где живет прославленный писатель.

Дольф смущенно улыбнулся, пытаясь скрыть волнение, и бросил шляпу на столик.

— Этот дом куда более знаменит, чем я. В семнадцатом веке он принадлежал некоему барону и с тех пор сменил немало хозяев, один достойнее другого. Куда мне до них. —

14 Штерн обвел гордым взглядом холл и повернулся

к Кассандре. Запрокинув голову, она разглядывала украшенный лепниной потолок в стиле рококо.

— Дом великолепен, Дольф.

Штерн протянул руку притихшей Кассандре:

— Пойдемте, я покажу вам остальное.

Комнаты не уступали холлу в великолепии: высокие потолки с изящной лепниной, изумительные инкрустированные полы, маленькие хрустальные люстры и стрелчатые окна, выходившие в сад, где пламенели россыпи ярких благоухающих цветов. На первом этаже располагались большая гостиная и комната поменьше, которую Дольф превратил в кабинет — уютную холостяцкую берлогу. Второй этаж занимали кухня, столовая и крохотная комнатка для прислуги, там Штерн держал велосипед и три пары лыж. Еще выше помещались две огромные светлые спальни с нарядными балконами, оттуда открывался чудесный вид на Шарлоттенбургский дворец и парк — их маленький рай. В углу одной из спален Кассандра заметила винтовую лестницу, ведущую в мансарду.

— Что там, наверху? — полюбопытствовала она. Этот старый дом совершенно очаровал ее. Неудивительно, что Дольф им гордился.

Штерн улыбнулся, откровенное восхищение в глазах Кассандры было ему приятно.

— Моя башня из слоновой кости. Там я работаю.

— А я думала, вы работаете внизу, в кабинете.

— Нет, там я обычно принимаю друзей. Большая гостиная по-прежнему немного пугает меня. А пишу я здесь. — Он показал пальцем вверх.

— Можно мне взглянуть?

— Ну конечно, если сумеете проложить себе путь среди бумажных завалов.

Но Кассандре не пришлось пробираться сквозь горы бумаг. В прелестной небольшой комнате наверху царил идеальный порядок. Косые лучи солнца вливались сквозь высокие окна, окрашивая стены в золотистые тона. Отсюда открывался вид на все четыре стороны света. Здесь находился небольшой изящный камин и везде — везде, где только возможно, — теснились книги. Комната казалась необычайно уютной, и Кассандра с наслаждением опустила в большое кресло, обитое красной кожей.